

Сатору Годжо никогда не умел сидеть смирно. Даже если его укладывали в детскую кроватку, он ухитрялся выбраться оттуда и сползти на пол.

Брюс и Дик обычно заставляли его во время ужина: босоногий младенец весело шлёпал по паркету огромного зала. Порой он нарочно прятался в самом тёмном углу лестницы, подкарауливая домашних, а затем внезапно высовывал белую макушку, пытаясь кого-нибудь напугать.

Эта нехитрая забава доставляла ему искреннее удовольствие.

Спускаясь со второго этажа, Дик мысленно приготовился изобразить испуг, чтобы порадовать малыша, однако ни на лестнице, ни в холле привычной юркой тени не оказалось.

— Альфред, ты не видел Сатору? — позвал Дик.

— Молодой господин Дик, загляните к нему в детскую, возможно, он там, — отозвался дворецкий.

В комнате стояла давящая тишина. Сатору лежал в кроватке — смертельно бледный, осунувшийся, его дыхание едва теплилось. Лоб горел как в лихорадке, а крохотные ладошки судорожно вцепились в лицо, закрывая глаза, словно от невыносимой муки.

В тот же миг оглушительный рёв форсированного двигателя разорвал сонную тишину готэмских улиц.

Поместье Уэйнов находилось на отшибе, и дожидаться скорой помощи из города было бессмысленно — драгоценные минуты ушли бы впустую. Модифицированный спорткар из личного гаража Брюса подходил для спасения жизни куда лучше любой службы спасения.

На ходу связавшись с руководством лучшей клиники, они доставили задыхающегося младенца прямиком в реанимацию. Однако местные врачи лишь разводили руками, не в силах поставить диагноз. Не теряя времени, Брюс выписал частным вертолётom знаменитого на всю страну диагноста с отвратительным характером — доктора Хауса и его команду из больницы при Принстонском университете.

Жизнь младенца висела на волоске.

Стремительно падающий уровень сахара в крови, непрекращающийся жар и тревожный писк мониторов заставляли сердца Брюса и Дика сжиматься от ужаса.

Из-за странных симптомов Хаус и его ассистенты тут же заподозрили неладное. Брюсу, Дик и даже оставшемуся в поместье Альфреду пришлось выдержать шквал завуалированных — а порой и прямых — обвинений в халатности, жестоком обращении и возможном отравлении.

Показатели критически ухудшались. Сахар упал до смертельной отметки. Если бы не поддерживающая терапия, ребёнок давно впал бы в глубокую кому.

За стеклом отделения детской реанимации Брюс сидел неподвижно, сцепив пальцы у лба. Вокруг него клубилась тяжёлая, осязаемая аура мрачного напряжения. Дик застыл рядом, прижавшись лбом к прозрачной перегородке и не отрывая взгляда от мерцающих экранов.

Трость Джеймса Хауса глухо и ритмично стучала по линолеуму коридора, выдавая напряжённую работу мысли хромого доктора, и этот стук действовал на нервы сильнее тревожного писка приборов.

Впрочем, сам виновник переполоха ничуть не беспокоился.

Очнувшись посреди ночи, Сатору сразу понял: что-то не так. Сперва он списал слабость на долгую нехватку нормального сна, но вскоре осознал истинную причину. Шесть Глаз начали свою неумолимую, сокрушительную работу, перегружая крошечный младенческий мозг терабайтами информации.

Его мучила дикая, невыносимая боль — казалось, в самые глазницы вонзаются ледорубы. Обычный человек на его месте взмолился бы о смерти или попытался вырвать собственные глаза руками, лишь бы прекратить эту пытку — даже слепота казалась благом по сравнению с подобным адом.

Сатору недовольно поморщился и с трудом перевернулся на бок.

«Тьфу, пропасть...»

Закрыв глаза, он попытался сосредоточиться и обуздать бушующий поток проклятой энергии, чтобы хоть немного ограничить радиус восприятия Шести Глаз. Без поддержки Клана Годжо и их древних барьеров, которые сдерживали лавину внешних данных в детстве, ему приходилось рассчитывать только на себя. Сдерживать этот напор в теле новорождённого было адски тяжело.

Из-за колоссальных энергозатрат организм младенца стремительно истощался. Для обычных медиков это выглядело как агония на пороге смерти, хотя на деле Сатору требовалось лишь одно — колоссальное количество глюкозы для питания перегруженного мозга.

Ну и, пожалуй, ванна с ледяной водой, чтобы остудить закипающее тело.

— Брюс... — негромко позвал Дик, глядя на крошечное тельце, опутанное проводами и датчиками.

— Он выкарабкается, — Брюс положил руку на плечо воспитанника, пытаясь подбодрить его, но в глубине его собственных глаз застыла холодная тревога.

Жар держался двое суток. Врачи один за другим выписывали листы критического состояния, готовя близких к худшему. Лишь на вторую ночь, когда в больничном коридоре бесшумно соткалась фигура Затанны, в этой безнадёжной битве наметился перелом.

— Повтори, что ты сказала? — переспросил Брюс, остановив волшебницу в пустом процедурном кабинете.

— Ему просто нужна глюкоза. Много глюкозы, — терпеливо повторила Затанна. Глядя на измождённого младенца, она прекрасно понимала скепсис Брюса — предложенный ею выход казался слишком уж банальным для смертельной лихорадки.

Едва переступив порог палаты, Затанна задействовала истинное зрение и сразу заметила причудливое, невиданное ранее свечение, окутывающее младенца.

Красивое лицо чародейки выразило удивление. Она изящно взмахнула своей волшебной палочкой, решив проверить, не присосалась ли к чистой детской душе какая-нибудь астральная тварь — подобные паразиты обожали беззащитных младенцев. Магия послушно потекла по воздуху тонкими светящимися нитями.

В этот момент веки мальчика дрогнули. Он распахнул глаза — и на Затанну уставился неземной, пугающе лазурный взор. Младенец не просто смотрел в потолок, его зрачки чётко следовали за движением светящихся нитей, пока не сфокусировались на кончике палочки.

«Неужели он видит структуру заклинания?» — изумилась чародейка. Скрытые потоки магии были недоступны даже самым чувствительным сенсорам обычных людей. Заинтригованная, она решила усложнить проверку.

Она осторожно направила тончайший диагностический импульс внутрь его тела. Глаза малыша послушно скользнули вслед за невидимой искрой. Словно подхваченный мягким притяжением, магический поток устремился вверх, к лицу мальчика, и скользнул прямо в его глазницы. Но не прошло и пары секунд, как чужеродная энергия была резко вытолкнута обратно — будто с глубочайшим брезгливым отвращением.

Почувствовав, как её слегка обиженное заклинание вернулось в ладонь, Затанна с новым интересом вгляделась в лазурную глубину его глаз.

— С его глазами творится что-то невероятное, — задумчиво произнесла она, поворачиваясь к

Брюсу. — Этот малютка безошибочно видит плетение моих чар.

— Жар — это следствие. Он видит то, что скрыто от простых смертных. Объём поступающей информации слишком велик для детского мозга, отсюда и критическая перегрузка. Но паниковать не стоит.

— Просто ставьте ему капельницы с глюкозой, восполняйте сгорающую энергию.

— И ещё... — Затанна запнулась. Она перевела взгляд с сурового лица Брюса на лежащего в колыбели белоголового подкидыша. Красивые губы дрогнули, но она вовремя прикусила язык.

— Да нет, ничего... — она качнула головой, уходя от расспросов. — Просто глупые мысли.

Взмахнув напоследок палочкой, волшебница добавила:

— Найди способ завязать ему глаза. И корми его сладким — чем больше сахара он получает, тем легче ему будет справляться с нагрузкой.

Несколько часов спустя они стояли у двери палаты. Сатору мирно спал, укрытый лёгким одеялом. Брюс мягко положил руку на плечо воспитанника.

— Он тебе нравится, Дик?

Мальчик непонимающе кивнул, но через мгновение его глаза расширились от догадки.

— Брюс... Ты хочешь сказать?.. — его голос дрогнул от восторга.

— Теперь у тебя есть младший брат, — с тихой, тёплой улыбкой подтвердил Уэйн.

Решение далось нелегко. Брюс долго взвешивал все за и против. Поместье Уэйнов — далеко не самое безопасное место для младенца, учитывая их ночной образ жизни и постоянный риск свернуть шею в подворотнях Готэма. Но слова Затанны рассеяли последние сомнения.

Один сирота в доме или два — разница невелика, размышлял Брюс позже, сидя в тишине своего кабинета. Сатору Годжо нельзя отдавать в обычную семью или приют — он слишком опасен для себя и окружающих. А в поместье полно свободного места, есть огромный задний двор, бесконечный запас денег и, самое главное, исключительно надёжный Альфред.

Для одного маленького, необычного мальчика этих условий хватит с лихвой.

Да в этом поместье можно хоть стадо овец держать, свору гончих или любую другую экзотическую живность, места хватит всем. К чему лишние сомнения? В конце концов, у него теперь всего двое мальчишек. Больше детей он заводить не планирует. Да и откуда в Готэме взяться такому количеству сирот, чтобы их приходилось подбирать пачками?

Тяжёлая гербовая печать с тихим стуком опустилась на плотную бумагу. Опекунская была оформлена.

В графе «Имя ребёнка» чётким почерком Брюса было выведено:

Миракл Г. Уэйн.

<http://bllate.org/book/19544/1951572>